

Аляутдинов.

1986.

Мемуары

Белгород, апрель, 1986, 1-ая стр.

МОФ ГАРШАЛ В СЕНЯХ

«Что наша жизнь — игра!» — сказал устами своего героя великий драматург. А от игры до розыгрыша уж совсем близко. И эту мысль подкрепляет своими воспоминаниями из актерской практики ветеран сцены, член Союза писателей СССР А. Аляутдинов.

В спектакле «Двенадцать неизвестных» идет напряженная сцена очной ставки. Следовательно остается задать один вопрос: «Вы узнаете этого человека?». Я внимательно изучаю элегантного красивого спокойного человека и так же спокойно отвечаю: «Нет, не узнаю». Занавес.

Но однажды случилось такое: артист перед выходом играл в шахматы, его долго искали, наконец находят в соседней гримуборной: «С ума сошел! Твой выход!». Актер пробирается в темноте на

другой конец сцены, цепляется за декорации, гвозди, на ходу вытирает своим фракком извечные закулисные паутины, пыль, известку. А мы со «следователем» сидим и шепотом возмущаемся.

Наконец входит артист. «Следователь» увидел и еле выдал: «Вы узнаете этого человека?». Я понимаю состояние следователя, боюсь оглянуться. Но надо. Передо мной — «чудовище»! Единственная пуговка на фраке вырвана «с мясом», манишка с бантом на плече, живот оголен, парик с взъерошенными волосами сбит на затылок, губы и колени трясутся. И у меня затряслись челюсти — не могу выговорить ни слова, прячу лицо и дико реву: «Н-ее, не узнаю!»

Строгий режиссер выбежал за кулисы и обнял бедного, бледного полуобморочного актера:

— Ты гений! Провалить бес-

словесную сцену может только гений!

* * *

Мой друг по студии Вася Шишов коротенькую фразу своей роли переписал десятки раз на бумаге. И произносил отчетливо на репетициях, и вне репетиций.

Единственный выход в спектакле «Коварство и любовь». Хазалось, чего проще — войти и доложить: «Гоф маршал фон Кальб в приемной с поручением от герцога». Но Вася, в отличной ливрее камердинера, вошел, затянул неуместную паузу и брякнул:

«Этот... как его... ну, моф гаршал... то есть год... фон... Короче, там в сенях он (и кивнул головой) — пришел».

Леди Мильферд играла строгая, всегда подтянутая красивая актриса Тамара Марголис. И на этот раз не выбилась из роли, только уничтожающе измерила взглядом камердинера: — Кувалда, прости!

* * *

Дивная Умань. Гастроли по селам Черкасщины. Спектакль под открытым небом. Соорудили сцену, задник, боковины, занавес и подмости из хрупких досок. Спектакль «Не было

ни гроша, да вдруг алтын». Елесю исполняет артист Балчахлы — неистощимый балагур с вечными выдумками, не зря же Нина Григорьевна Крамина постоянно возмущается: «Не понимаю, как можно издеваться над искусством!». Идет спектакль. Две лампочки от движка освещают сцену. Вокруг лампочек множество бабочек разных калибров. Елесю поймал какую-то ужасно живучую бабочку с короткими крыльями и приколот тоненькой булавкой на свой наклеенный нос.

В середине действия встреча с купчихой, той самой строгой Ниной Григорьевной. По ходу действия она увидела Елесю, как у него на носу трепыхается бабочка и стала заикаться:

— Бо... боже мой! Что он со мной делает!.. — И басом как захохотала — хо-хо-хо...

В этот момент треснула доска, и испуганная купчиха провалилась. — «Дайте занавес! Скорее занавес!»

А занавес, проклятый, запутался, не идет. Нина Григорьевна кричит: «Оставьте! Вытащите меня наконец!». Тогда впереди сидящая детвора кинулась на помощь и сообща вытащила безвинно пострадавшую.

После длинного антракта спектакль пошел дальше. А Елесю ждал уже восьмой выговор. Строгий.